
НА ГРАНИ ВЕКОВ: НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Л. Е. ГРИНИН

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ*

Сегодня тема глобализации стала очень популярной. Однако, несмотря на обилие публикаций, работ с глубоким анализом ее содержания не так много, а наиболее фундаментальные стороны этого процесса не обозначены достаточно четко.

1. О некоторых аспектах глобализации

В настоящей статье я рассматриваю лишь отдельные, но в некоторых смыслах ключевые проблемы глобализации. Главным образом, это два взаимосвязанных аспекта: 1) как развитие производства и информационных технологий влияет на процессы региональной и мировой интеграции в современном мире; 2) в каком соотношении находятся между собой суверенитет государств и национальный сепаратизм, с одной стороны, и глобализация – с другой.

Выбор таких аспектов объясняется следующим.

Во-первых, несомненно, глобализация – это результат очень сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов и взаимосвязей

* Этой статьей редакция начинает разговор о новых процессах, которые получают развитие и обретут зрелость в XXI веке. Глобализация – это понятие, которым сегодня стали обозначать множество изменений в мире. Именно поэтому редакция решила начать обзор новых процессов с нее. Разумеется, в одной статье невозможно не только охватить все многообразие изменений и проблем, но даже кратко охарактеризовать их. Остались нераскрытыми, в частности, современные аспекты глобальных проблем человечества, в том числе и экологической. Поэтому мы надеемся достаточно скоро вернуться к теме глобализации, а также приглашаем читателей к обсуждению этого вопроса (*ред.*).

современного мира. Но среди этих многочисленных факторов все же надо особо выделить огромные изменения в современных производительных силах и средствах информации (см., например: Медведев 2004: 3).

Экономический, в первую очередь, характер глобализации на современном этапе, так или иначе, признается многими¹. Но мало отметить очевидное. Признать, что экономические и технические изменения – мотор глобализации, – значит признать, что процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять никем, поскольку в настоящее время развитие новых технологий невозможно ни остановить, ни даже затормозить.

Разумеется, за развитием техники и технологии, торговли и транспорта, ТНК и международного капитала, средств связи и коммуникаций стоят вполне определенные интересы и силы, поддерживаемые конкретными государствами и их союзами. Однако могущество этих сил было бы намного меньше, если бы не опиралось на фактическое одобрение общественным мнением безудержного и неконтролируемого технического и экономического прогресса, агентами которого они и выступают. Смена одних агентов другими (скажем, американских ТНК европейскими) не решит главных проблем, не уменьшит “экстраординарный разрыв между нашей технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью”².

Следовательно, чтобы контролировать процесс глобализации – а подобные призывы, как и сетования на ее хаотический и несправедливый характер, все заметнее, – нужно, в первую очередь, контролировать направления и темпы экономического и технического развития. Сегодня, конечно, разговор об этом выглядит утопией, однако определенные барьеры на пути этого прогресса в виде различных регламентаций и квот в дальнейшем, возможно, и появятся.

¹ Часто ее даже неправомерно зауживают только до экономического аспекта, например, считая, что “глобализация” – это распространение интернационализации на сферу производства (Зуев, Мясникова 2004: 54).

² Так, М. Кастелле (2002: 513) сформулировал основное противоречие нашей цивилизации. См. также идеи о “техногенном изматывании” человечества (Кочетов 2002; Соколов 2004).

Во-вторых, глобализация ведет к резкому усложнению внешних, по отношению к обществу как системе, условий существования (Иванов 2000: 14), в то время как технология и торговля опутывают мир новыми сетевыми связями и делают национальные границы прозрачными. Все это не может не трансформировать характеристики государства как системы. В результате глобализация сильно уменьшает и изменяет объем национального суверенитета и подрывает положение государства как главного субъекта международных отношений.

Если, однако, неизбежным итогом глобализации является сокращение суверенитета, то вместе с этим также неизбежно назревают колоссальные перемены в моделях поведения как государств, корпораций и групп, так и масс обычных людей. Ведь сегодняшнее мировоззрение и миросознание человека основывается на идентификации себя с определенными нацией и государством, что означает, в частности, моральный приоритет национального над внешним. Однако ситуация все заметнее поворачивается наоборот. Но сдвиг этот – что совершенно естественно – идет болезненно. И если процессы и далее останутся неосознанными и неконтролируемыми, он может стать еще болезненнее.

2. Глобализация и национальная стратегия

Глобализация – это результат интеграции и сближения регионов и мира в целом. Поэтому в какой-то мере уместна аналогия с возникновением централизованных государств. А любой историк скажет, что такие процессы обычно шли очень тяжело. Следовательно, в известном смысле, положение граждан современных государств сейчас можно сравнить с ощущениями людей, которые соотносят себя с тем или иным городом-государством, княжеством, небольшой республикой, тогда как уже начался период централизации. И этот процесс, как катком, стремится сгладить все различия, сделать всех подданными огромного государства. А в новом образовании центральное княжество одно, и именно по его законам, языковому диалекту, правилам должна теперь идти жизнь. Даже если они и не лучшие.

Разумеется, интеграция в региональном и тем более в мировом масштабе не аналогична процессу возникновения империй (то есть

не может совершаться, говоря словами Бисмарка, железом и кровью). И не должно быть единственного центра, в котором решается все. Тем не менее принуждения и насилия, ломки стереотипов, болезненного унижения национальной гордости будет предостаточно. Недаром в последнее десятилетие военная сила и угроза ее применения в качестве последнего аргумента в международных отношениях стала применяться активнее, чем это можно было предполагать в конце 80-х годов XX века.

Глобализация, с легкой руки американских политологов, порой предстает в некоторых работах как процесс навязывания воли США остальному миру, как процесс установления нового мирового порядка, выгодного США (см. об этом: Бажанов 2004; Бжезинский 1999; Медведев 2004: 3; Столярова 2002: 72; Терентьев 2004; Collins 2002: 118). Действительно, влияние США, в том числе, говоря языком прошлого, в роли “мирового жандарма”, очевидно и очень реально. Но означает ли глобализация, что непременно должен установиться именно *Pax Americana* (то есть *американский мир*), как искренне верят многие в США?

Конечно, это возможно. Однако реально ли поддерживать такой порядок? Ведь даже сверхдержаве приходится считаться с тем, что ее воля сталкивается не просто с желаниями других наций, но уже с региональными, а то и мировыми интересами. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, немыслимо неопределенно долго нести бремя сверхдержавы, вмешиваясь во все³. Раньше или позже это станет непосильным, а за этим наступает изменение мирового порядка. Как говорится, крот истории копает медленно, но верно. Впрочем, в современном мире, когда десять лет – целая эпоха, вовсе не так уж медленно. Не стоит забывать также, что влияние на других – это все равно двусторонний процесс. Когда-то Римская держава интегрировала варваров, умудряясь делать одни племена защитниками от других. Как известно, это привело к варваризации империи в целом и ее краху. Поэтому многие сегодняшние явления, например быстрое увеличение

мусульманского населения в ряде стран Европы или небелого в США, исподволь могут готовить серьезные трансформации в них⁴.

Таким образом, более вероятно, что в не слишком далеком будущем расклад сил в мире изменится. Ведь наличие каких-то тенденций не означает, что будущее уже предначертано⁵. Напротив, направление, формы и результаты процессов будут постоянно зависеть от меняющегося баланса сил в мире, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических вещей, в том числе и тех, которые сегодня не принимаются в расчет⁶. Это, по сути, означает, что те, кто стремится играть более важную роль в интегрирующемся и меняющемся мире, должны прогнозировать и предугадывать тенденции, используя их в собственных целях. И чем яснее понимается их природа, тем – при прочих равных условиях – легче использовать их в своих интересах и, грубо говоря, играть в свою игру.

Несомненно, и Россия сможет сыграть важную роль в новом мировом порядке, если правильно выберет стратегию. Поэтому нужно не горевать о том, что идет глобализация по-американски, а найти собственное место в глобальных процессах, не теряя своих особенностей, в частности, используя общие культурно-языковые традиции на просторах СНГ⁷. Если процессы неизбежны, значит, нужно превратить их в национальную идею. Например, чтобы Россия заняла достойное ее место в интеграции мира, со всеми вытекающими отсюда последствиями и выбором средств для достижения цели. Для нашей страны, которая всегда имела на своих

³ О чем и пытается предупредить американцев Генри Киссинджер (2002: 325), подчеркивая: “Намеренное стремление к гегемонии – это наиболее верный путь к разрушению ценностей, сделавших Америку великой”.

⁴ См. о нарастании обособления этнокультурных групп в США и о перспективах этнических изменений в Америке в ближайшем будущем, например: Борисюк 2004: 12–13; Туроу 1999: 286.

⁵ “...Наш глобальный мир ни в коем случае не должен быть интерпретирован и организован как *экстраполяция уже сложившихся тенденций и балансов сил и возможностей*” (Панарин 2000: 328).

⁶ Например, форум в Давосе в начале 2005 года призвал к более справедливой глобализации. И хотя это пока в основном только декларация, но она означает, что идет выработка некоей глобальной идеологии, которая вполне способна оказать существенное воздействие на ход процессов в будущем.

⁷ Также благодаря своему удачному географическому положению Россия является естественным мостом между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (особенно Дальним Востоком и Северной Америкой), между Европой и Средним Востоком и имеет все возможности быть такого рода связкой.

знаменах мировые лозунги, это вполне возможно. И, думается, никакая наша национальная идея не будет эффективной без учета роли России в глобализации.

3. Глобализация и прогресс

В принципе, всю историю можно представить как процесс сближения человечества. Именно поэтому идут споры, когда именно началась глобализация. По крайней мере, со времени Великих географических открытий процесс сближения мира стал очевидным и все ускорялся. Тем не менее то, что называется сегодня глобализацией, находится еще в начальных стадиях. Главные изменения, несомненно, впереди.

Но что такое, в конце концов, глобализация? Как всегда возникло множество определений, ни одно из которых не удовлетворяет всех. Общепринятого нет и, вероятно, скоро не будет, поскольку в это понятие вкладывается самое разное значение⁸.

Без претензии на однозначное определение можно сказать, что **глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.** Нужно согласиться, что “процессы глобализации в самом широком смысле характеризуются резким усилением и усложнением взаимных связей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы” (Иванов 2004: 19).

Иными словами, возникает своеобразная система, при которой проблемы отдельных стран, наций, регионов и иных субъектов (корпораций, различных объединений и т. п.) соединяются в единый клубок. Отдельные локальные явления и конфликты задевают

⁸ Иногда практически ставят знак равенства между углублением интеграции мировой экономики и глобализацией (Каплински 2003: 4), нередко, говоря о глобализации, имеют в виду именно экономическую глобализацию (см.: например, Киссинджер 2002: 242). Порой подчеркивают только какие-то отдельные ее стороны, которые могут и не выражать главное, например глобальную демократию в мире (см.: Chase-Dunn 2003; подробнее об этом см.: Кулагин 2000).

множество стран. В то же время решения в наиболее значимых центрах мира отражаются на судьбах всех.

Глобализация – исключительно разноплановый процесс. Практически все области жизни испытывают на себе эти воздействия. Многие как позитивные, так и негативные явления также приобретают глобальный характер. Например, борьба за охрану окружающей среды, само движение антиглобализма, терроризм (см., например: Мирский 2004б: 80), наркомафия и т. п. В этом плане интересной представляется и идея о глобализации ислама (Мирский 2004а: 35), а также и других религий.

Любой прогресс всегда означает, что определенная часть изменений ухудшает ситуацию по сравнению с тем, что было раньше (подробнее см.: Гринин 1997: 68–69). Поэтому то, что какие-то процессы имеют в будущем большую перспективу, ни в коем случае не предполагает признания позитивности каждого их аспекта. Соответственно и глобализация далеко не всегда дает положительный эффект, что постоянно подчеркивают ее критики. В частности, они указывают на неравномерность в получении выгод от глобализации и на увеличивающийся разрыв в уровне жизни разных стран (см., например: Капра 2004: 171). Естественно, и сокращение национального суверенитета имеет не только положительную сторону. Как и любой крутой перелом, и этот несет в себе массу негатива, например ослабление таких качеств, как патриотизм. Да и открытость границ – в чем-то благо, а в чем-то зло, например в плане распространения терроризма. Особенно много отрицательных последствий бывает, когда ломка происходит быстро, резко, без переходной и длительной трансформации, если на смену уходящему не идет что-то нравственно достойное⁹. Отсюда понятная и во многом оправданная ностальгия по прошлому.

⁹ Новые эпохи далеко не всегда несут во всех смыслах и более высокую мораль. Именно поэтому философы обычно отрицают наличие прогресса в моральном плане. Часто отброшенные историей социальные качества по-человечески выглядят более привлекательно, чем созданные в результате победы нового. Например, рыцарство и дворянское благородство могли выигрывать перед духом наживы и бережливой скупостью. Освобождение ума от пут клерикализма вело к нравственной разнузданности и идее, что все дозволено. Сегодня в России идеалы служения обществу заменяются эгоистичными представлениями о том, что наидостойнейшая цель – служить самому себе, игнорируя интересы общества, и т. п.

С одной стороны, против некоторых тенденций бороться бесполезно. Но с другой – если знать, какова плата за развитие, можно уменьшить неизбежное зло, облегчить тяготы перехода, попробовать сгладить какие-то негативные последствия, сохранить наиболее ценное из старого.

4. Глобализация и производительные силы

Как уже сказано, развитие производительных сил и средств информации, их интернационализация выступают как мотор глобализации¹⁰. Конечно, эти изменения совершаются обычно ради весьма практических корпоративных и личных целей. Но вызванные первоначально одними причинами, они затем могут привести к совершенно непредвиденным и непредсказуемым результатам, когда многочисленные частные изменения вдруг превращаются в какой-то ощутимый сдвиг, затрагивающий далекие от техники сферы¹¹. Однако между переменами в производстве и трансформацией в других подсистемах общества существует значительный временной разрыв. Кроме того, в обществе всегда наличествует сложное переплетение взаимодействия различных факторов. Отсюда глубинная причинная связь между производством и политикой заметно трансформируется и реализуется далеко не сразу, а потому не всегда заметна.

Все же сегодня уже трудно отрицать, что перед современными техническими и экономическими силами национальные границы стали гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом (подробнее см.: Гринин 1999а, 2003а: 158–159; Habermas 2003). Этому способствуют многие факторы, в частности, мощное развитие торговли, транспорта, роли международного капитала, ТНК и т. п.¹²

¹⁰ Безусловно, колоссальное (в чем-то и решающее) значение для развития интеграции и глобализации имеют глобальные проблемы человечества. Но в данной статье нет возможности говорить об этом, поэтому я отсылаю читателя к другим своим работам (Гринин 1999а: 14–16; 2003б: 311–323).

¹¹ “Технология обслуживает господствующую систему социальной власти, хотя, с другой стороны, она часто способствует переменам в организации и распределении этой власти” (Шиллер 1983: 249).

¹² О различных изменениях в мировой экономике см., например: Делягин 1998; Максимова 2004: 3. О роли ТНК и об изменениях в их деятельности в последнее время см.: Зименков, Романова 2004. О роли значения внешней торговли говорят очень много, поскольку международная торговля давно растет опережающими темпами по сравнению с мировым

Стоит иметь в виду также, что “в глобализирующемся мире взаимодействуют не только государства, но все больше территории и регионы” (Гребенщиков 2004: 89).

Но все это старые, давно обозначившиеся вещи. Из новых тенденций в технике и информатике особо стоит отметить: 1) быстроту распространения информации и возможность прямого общения людей, находящихся в любых местах планеты; 2) техническую свободу выхода в широкий эфир; 3) многократный рост аудиторий;

4) доступность информации и все большую ее полноту по разным вопросам в международных масштабах; 6) доступность компьютерной технологии и копировальных машин. Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей разнообразную информацию, часто при этом минуя национальные границы (подробнее см.: Гринин 1999а).

Наиболее же быстро растущие области производства как раз по природе своей наднациональны. Например, космос или Интернет, который все более активно используется в коммерческих целях (см., например: Филиппова 2000; Болескина 2000).

Тесная связь национальных экономик между собой ведет к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтвердили кризисы в разных странах недавнего времени, когда горячий международный капитал вызывал их в считанные часы (Волконский 1998: 217)¹³. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования¹⁴, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Как резюмирует Роберт Каттнер, редактор журнала “Америкэн

ВВП (Шишков 2004: 15). Неудивительно, что некоторые экономисты в первую очередь указывают именно на внешнеторговый аспект глобализации (см., например: Каплински 2003).

¹³ О роли этого капитала в азиатском кризисе 1997 г. см.: Максимова 2004; Каплински 2003; Капра 2004: 164–166. Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе – таков вывод Джорджа Сороса (2001: 25, 27).

¹⁴ “Что касается материального развития, новый международный экономический порядок предполагает переход от национального планирования на уровень планирования наднационального” (Ван дер Вее 1994: 374).

перспект”, “ставки просто-напросто чересчур высоки, чтобы позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики” (цит.: Капра 2004: 167).

Таким образом, изменения в производительных силах, так или иначе, ведут к изменению всех остальных областей жизни, включая и политическую сферу (см.: Гринин 1999а, 1999б). Формирование глобальной экономики, полагает Мартин Вебер, приводит к ослаблению влияния отдельных государств на мировые исторические процессы (см.: Фомичев 2003: 13). Однако не стоит преувеличивать и без того большую роль экономики в трансформации государства (как делает, например, Тураев 2001: гл. 2). Она выступает ведущим в этом плане фактором только в конечном счете. Для коренного же изменения суверенитета нужны еще очень серьезные перемены в других сферах общества, подобно тому, как для формирования буржуазного общества было мало изменений в экономике, но потребовались политические революции.

5. Глобализация и сокращение суверенитета

Суверенитет в политической науке определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности, то есть его верховенстве во внутренней политике и независимости во внешней (см., например: Джерри и Джерри 1999: 311; или: Аверьянов 1993: 367).

Это понятие получило широкое распространение в XIX в. Но пришло оно из средних веков от идеи единовластия верховного феодального правителя (суверена). В начале нового времени оно получает уже четкое толкование в трудах Н. Макиавелли (как всевластие абсолютной или самодержавной монархической воли), Ж. Бодена (как “высшей, абсолютной и постоянной власти над гражданами и подданными в политическом сообществе”) и других. Эта идея закрепились в XVII веке, после окончания 30-летней войны и Вестфальского мира 1648 г. Позже широко распространилось понятие суверенитета нации (часто как синоним государственного суверенитета). Ныне эти понятия закреплены в Уставе ООН и в

некоторых других международных соглашениях в виде положений о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение.

Безусловно, на практике суверенитет как государств, так и наций всегда сильно ограничивался разными вещами. Но сегодня представление о полной свободе действий государств даже чисто теоретически выглядит неверным. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека (см.: Аверьянов 1993: 368), и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися традициями.

С послевоенного времени многие страны начинают добровольно ограничивать себя в, казалось бы, наиболее суверенных вещах. Достаточно бросить даже беглый взгляд на те области, в которых сократился суверенитет, чтобы согласиться со сказанным. Право устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капиталов) и какие-то виды деятельности; печатать деньги; устанавливать правила содержания заключенных и использования их труда; провозглашать те или иные политические свободы или ограничивать их; фундаментальные правила выборов (и само их проведение) и избирательных цензов, а также еще масса других важных вещей определяться только желаниями самого государства. Теперь на глазах у всего мира европейцы отказались от святыя святых – собственных, многими веками выстраданных национальных валют ради одной общей (евро).

В конце концов, то, что всегда признавалось главным в суверенитете: право войны и мира – под международным контролем. Мировые войны и тоталитаризм показали, что абсолютный суверенитет, включающий в себя в том числе право на развязывание войн и репрессии, опасен. **Все это означает, что внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются, а международное или определенного**

сообщества право расширяется¹⁵. События конца 2004 года на Украине, связанные с откровенным вмешательством в ее выборные дела не только ближайших соседей, но даже и далеких территориально от нее стран, еще раз показали, как мало осталось внутренних вопросов, которые не могут быть причиной международного давления.

Без сомнения, в истории можно найти много случаев добровольных обязательств и договоров, которые значительно ограничивали суверенитет государей и стран¹⁶. Взять хотя бы Священный союз и его интервенции в революционные страны в первой половине XIX века. Военные блоки и союзы также не новость. Словом, процессы интернационализации начались, как сказано, не сегодня, а идут уже века, все нарастая. Но распространенность и мощность этих процессов вчера и сегодня несопоставимы.

Во-первых, они охватили весь мир. Во-вторых, экономические союзы прежде были редкостью, теперь стали наиболее типичной формой объединений. А некоторые экономические организации (вроде ВТО, МВФ) включают в себя большинство стран мира. Масштабы и цели политических союзов также изменились. В-третьих, колоссально выросли плотность и постоянство контактов между лидерами стран. И вопросы, которые они решают, значительно изменились. В-четвертых, лишь немногие страны могут сегодня проводить изоляционистскую политику и не вступать ни в какие союзы.

Чтобы оттенить сказанное, заметим, как ни странно это звучит, что наибольший суверенитет имеют государства, идеологически (Китай) и экономически закрытые, вроде Северной Кореи, Кубы. Хотя и у них он начинает сокращаться. Что же касается достаточно открытых и развитых стран, то тенденция к делегированию своих полномочий у них совершенно очевидна. Исключение составляют

¹⁵ Бесспорно, само международное право во многом не соответствует этой своей задаче. Оно сейчас складывается из прецедентов, а сильный часто его просто игнорирует. Но, так или иначе, оно существует и развивается.

¹⁶ Такие добровольные ограничения бывали не только в политической или военной сферах, но и в социальной, например, когда принималась какая-нибудь из мировых религий.

только США, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят национальные интересы выше мировых и союзнических. Но именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания суверенитета¹⁷.

Таким образом, сегодня по сравнению с прошлым суверенитет совершенно свободных и самостоятельных стран стал намного меньше. И, что очень важно, многие государства отдают часть суверенных функций нередко действительно добровольно. Подобный альтруизм можно всерьез объяснить только тем, что такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить вполне реальные преимущества¹⁸. Естественно, что такой “обмен” стал в принципе возможным только в результате мощного влияния описанных (и многих неупомянутых, но подразумеваемых) процессов. И чем шире круг стран, сознательно ограничивающих свой суверенитет, тем более неполноценными кажутся государства, которые не делают таких ограничений.

В политической науке в определенной мере осознается, что “доктрина национального суверенитета устарела” (Киссинджер 2002: 296), что необходимы “комплексное переосмысление и переоценка понятия “суверенитет” как в связи с возникновением мирового политического сообщества, так и в связи с уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии” (Аверьянов 1993: 368), а также в связи с действиями различных иных субъектов типа ТНК и негосударственных организаций (см., например: Уткин 2000: 41–42). Однако большинство исследователей все еще недооценивают серьезность изменений суверенитета и необходимость пересмотра самого этого понятия.

¹⁷ Как верно заметил Киссинджер (2002: 2), в рецептах, которые США прописывают миру, нередко прослеживаются или их внутренние проблемы, или сентенции времен “холодной войны”. В результате их доминирующее положение сочетается с реальной возможностью для США оказаться в стороне от многих тенденций, влияющих на мировой порядок и, в конечном счете, преобразующих его (см. также: Гринин 1999а: 28–29).

¹⁸ Правительства и деловая элита это понимают острее, чем население. Поэтому-то исследователи отмечают, что в современных условиях вступить в ЕС хотят, скорее, правительства этих стран, а не их население (Злоказова 2004: 68).

Да, государство в главном еще остается (и будет таким достаточно долго) высшей единицей исторической и политической жизни. Однако сегодня появились новые мощные факторы, которые, в конечном счете, ведут к тому, что оно перестает быть пределом выражаемой воли, уступая это предельное место более крупным наднациональным образованиям¹⁹. И эта тенденция будет нарастать. С другой стороны, это не односторонний и однозначный, а многогранный процесс: в главном суверенитет будет сокращаться, но в чем-то закрепляться и даже расти. Поэтому опасно слишком торопиться хоронить национальное государство, оно еще долго будет ведущим игроком. Кроме того, как справедливо отмечают некоторые исследователи, резкое сокращение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос (Уткин 2000: 41–42).

6. Начало перехода к наднациональным образованиям

Итак, с послевоенного времени все яснее обнаруживается тенденция к постепенной передаче странами части своего суверенитета мировым международным организациям. Еще большая часть суверенитета переходит к региональным объединениям и третейским судам. А интеграция государств в надгосударственные экономические объединения становится все более важной частью глобализации. Такие наднациональные образования имеются уже на всех континентах, и в некоторых случаях наметилась трансформация экономических союзов в политические.

Конечно, чтобы региональные политические объединения стали достаточно прочными, нужен немалый срок. Стоит вспомнить, что Европе потребовалось с XVI века минимум триста лет, чтобы утвердились национальные государства. Поэтому процесс создания действительно оформившихся, системно и глубоко интегрированных надгосударственных образований не может быть быстрым. Не будет он и гладким уже потому, что входящие в него члены не могут игнорировать свои собственные интересы и не противопоставлять их друг другу. Да и внутри самих стран разные политические силы очень по-разному трактуют национальные цели.

¹⁹ Я не рассматриваю здесь, хотя это и весьма важно, тот факт, что суверенитет частично “растаскивается” различными субъектами, устанавливающими горизонтальные и сетевые связи через границы.

Словом, притирка над- и внутригосударственных интересов – тяжелое дело, тут неизбежны разнообразные столкновения²⁰.

Кроме того, и общие цели можно трактовать по-разному. Пример США, которые сумели стянуть в тугой узел чисто национальные узкополитические проблемы (вроде предстоящих выборов или необходимости поднять популярность президента) с мировыми интересами, очень показателен.

Хотя суверенитет и сужается, но сам этот принцип еще долго будет одним из важнейших в международных отношениях. Поэтому открытое неуважение к нему будет продолжать вызывать осуждение. Когда старые идеи еще живы, а новые не утвердились, столкновения могут принимать форму противоборства принципов, что скрывает их историческое содержание. Тогда трудно понять, кто прав, кто виноват. Например, если в отношении даже диктаторских режимов грубо и открыто попирает принцип суверенитета, опираясь на право сильного, симпатии могут оказаться на реакционной, по сути, стороне. Недавняя война в Ираке 2003 года доказывает это. Поэтому в правовом и моральном плане желательны действительно безупречные аргументы, которые опирались бы на решения мировых организаций (ООН, в первую очередь). Вот почему для поддержки действий против режимов-нарушителей так важны именно такого рода санкции.

7. Глобализация и национализм

Тенденция на уменьшение национального суверенитета бесспорна. Но возникает вопрос: как же она совмещается с бурным ростом национализма, со стремлением даже самых мелких народов обрести свой собственный суверенитет? Ответ может выглядеть неожиданным, но обе тенденции: и рост национализма, и делегирование суверенитета – во многом имеют в современных условиях общие причины и дополняют друг друга, а в чем-то

²⁰ Будут ли в будущих наднациональных образованиях рецидивы национализма? Несомненно. Но когда союзы такого типа укрепятся, соотношения между ними и входящими в них государствами примут уже иной смысл, в чем-то подобный соотношению между сложившимися государствами и автономиями.

выступают как разные аспекты одних и тех же процессов (подробнее см.: Гринин 1999а).

Конечно, постепенный переход к нового типа политико-эко-номическим объединениям должен поставить заслон национальному сепаратизму. Однако это верно только в общем плане. В начальной же стадии процесса, как это нередко бывает, интеграция в чем-то даже усиливает и поощряет национализм. Дело в том, что любое созидание ведет к большим или меньшим разрушениям. Говоря словами литературного героя, сначала надо место расчистить. Поэтому формирование надгосударственных систем шло параллельно не только с разрушением колониальных империй, но и ряда старых и вновь возникших государств, особенно многонациональных, среди которых были даже, казалось бы, весьма устойчивые (СССР, а ранее, в начале процесса, Австро-Венгрия). И такой распад выполняет в чем-то прогрессивную роль, облегчая региональную и мировую интеграцию. Но это очень болезненный и разрушительный прогресс.

Таким образом, объяснение причин сепаратизма в современный период на первый взгляд может показаться парадоксальным: **национализм усиливается потому, что ослабевают как системы государства.** Однако парадоксальности здесь нет. К тому же нации – это не вечные сущности, а этнополитические общности, складывающиеся именно в рамках государств (Геллнер 1991; Армстронг 1982: 4). При определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других, напротив, ослабевают.

Почему сегодня в ряде развитых стран (Великобритании, Канаде, Италии) наблюдается стремление отдельных этносов, ранее считавших себя частью большой нации, к отделению и вхождению в региональное или мировое сообщество прямо, непосредственно²¹. Ответ в том, что наднациональные сообщества становятся более привлекательными, чем национальные. А значит, неудивительно,

²¹ О таком этническом сепаратизме в Испании, Канаде, Англии и других странах см., например, Туроу (1999: гл. 12), который подчеркивает, что все это происходит в ситуации, когда почти все страны “готовы отказаться от части своего национального суверенитета, войдя в большую региональную экономическую торговую группу, такую, как Европейское сообщество” (Там же: 286).

если где-то усиливается тенденция к расколу государств. В таком стремлении, конечно, не последнее место занимает честолюбие политиков. Но в любом случае факт, что национальные движения возникли и в странах, где нет и речи о национальном неравноправии, доказывает: **государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место более крупным единицам.** Вместе с этим произошли качественные изменения и появились новые важные условия, которые выполняют роль своего рода катализаторов национального сепаратизма (см.: Гринин 1998: 23–30; 1999а).

В прошлые эпохи международные отношения были совсем иные, чем сейчас. Малые государства не чувствовали себя безопасно. В любой момент они могли стать жертвой агрессии или местом, где разворачивались кровавые события. Объективных возможностей или сил для самостоятельного существования у многих народов просто не было²². Не то сейчас. Мировое сообщество пресекает агрессивные войны, поэтому малые государства чувствуют себя уверенно²³. Причем, по сути, они перекладывают заботу о своей безопасности на ведущие страны и мировое сообщество. А вместе со страхом у значительной части национальностей уходит и тяга к вхождению в крупные государства.

Есть и другие причины, способствующие национализму. Во-первых, ослабевает репрессивное воздействие на сепаратистов. И даже там, где по отношению к ним проводится жесткая политика, она далеко не всегда эффективна из-за общего политического и правового климата в мире. Во-вторых, в развитых странах быть меньшинством стало выгодно, под это легко получить дополнительные права и привилегии. В-третьих, в отсталых нациях во многом еще действуют прежние причины национализма: они только сегодня экономически и культурно дорастают до уровня, на котором уже способны иметь собственные идеологию и

²² Вспомним хотя бы Грузию, когда ее царь Ираклий II в 1783 году “вручал России свой народ”, или знаменитую Переяславскую Раду в 1654 г.

²³ События в Югославии и Ираке несколько изменили эту уверенность, но не коренным образом. Причем реагировать на такую угрозу многие страны стали в рамках глобального мышления (см. подробнее с. 23–24 настоящей статьи).

государственность. А многие народы еще только будут дозревать до уровня

активного национализма, и уже только поэтому нас ждут еще десятилетия, когда национальные проблемы будут стоять весьма остро в разных регионах и странах. Но это уже затухание тенденции, начавшейся несколько веков назад. Интеграция же, ограничение суверенитета и национализма – новая тенденция, расцвет которой придется на будущее.

И постепенно в сравнительно недалекой перспективе агрессивный национализм, раскалывающий государства и создающий угрозу мировому порядку, пойдет на убыль, а симпатии к сепаратистам ослабнут (естественно, процесс может иметь колебания и откаты). В чем-то это будет аналогично процессу длительного осознания, что социальные реформы гораздо предпочтительнее социальных революций. Конечно, в итоге нации и национальные различия не исчезнут. Просто национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самой высокой политики и жарких схваток в более спокойную плоскость, примерно так, как это случилось с религией.

8. Можно ли примирить интересы всех?

Размышляя над процессами интеграции, неизбежно задаешься вопросом: каким образом и удастся ли хоть как-то примирить разнообразные интересы сотен государств, имеющих не только разную культуру, но очень большой разрыв в уровне развития? Ведь ускорение темпов развития мира и ограниченность времени для решения глобальных и иных проблем не позволяют ждать, пока отстающие страны найдут свой собственный путь развития. Некоторые могут искать его целые столетия.

Мнение, что обеспечить продвижение к преодолению отсталости можно только при создании эффективного рынка и эффективного государства (Эльянов 2004: 16), конечно, имеет резоны. Ну, а если институт государства слаб, как в Тропической Африке (см.: Лебедев 2004)? И что делать, если государство, напротив, слишком сильное, чтобы не допустить нужных изменений

(как в Северной Корее, Кубе)? И как быть со странами, население и даже элита которых не в состоянии понять общемировых проблем?

Следовательно, проблема переходит уже на надгосударственный уровень и связана с трансформацией суверенитета. И можно согласиться с Э. Ласло, что движение к мировой солидарности требует внутри государств носителя “глобального ответственного сознания” в виде определенных элит или слоев. А если такой носитель в какой-либо стране отсутствует (а таковых, добавлю, большинство), потребность в мировой солидарности может быть вызвана извне, из других стран.

Однако каким бы мягким ни было такое влияние извне, оно, так или иначе, скажется на суверенитете. Его ограничение имеет два уровня. С одной стороны, сами развивающиеся страны объединяются в региональные сообщества, чтобы вместе отстаивать свои интересы и решать проблемы. С другой – они связаны с глобальным противостоянием между развитыми и развивающимися странами (проблема Север – Юг).

Вот свежий пример изменений на первом уровне. Региональные организации в Африке, Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихо-океанском регионе, а также в Латинской Америке после Ирака приняли новую, более жесткую политику в отношении терроризма и использования оружия массового уничтожения. Но решать эти проблемы они хотят собственными средствами, на собственной территории и с помощью независимых миротворческих структур, которые они развивают. Но они в то же время начали искать средства минимизировать риск насильственного американского вторжения, а также использования США тактики “разделяй и властвуй” против членов региона (Бейлс 2004: 75).

На втором уровне все более активен диалог между объединениями стран (например ЕС и группами африканских стран). Но самое главное, что есть важные причины, которые в среднесрочной перспективе заставят развитые государства форсировать развитие отсталых. В первую очередь, речь идет о глобальных проблемах (о др. причинах см.: Гринин 1999а). Они затрагивают всех, поэтому интерес Запада к их решению в отсталых странах неизбежно будет

расти²⁴. А последним, в свою очередь, придется ограничить ложно понимаемый суверенитет, чтобы подстроиться под общие правила. Например, поскольку демографическая и экологическая проблемы тесно связаны между собой, возможно, регулирование численности населения постепенно станет не только национальным, но и общим делом. Особенно актуальным это будет, если в каких-то важных квотах, например выбросах в атмосферу, темпах экономического роста, начнут учитывать численность и структуру населения.

Вообще квоты, по-видимому, будут очень важным инструментом глобального регулирования (см.: Гринин 1999а, 2003а: 159–162). Ведь чтобы решить многие общие проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (*limit*). Пределы роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, предел вооружения и т. д. (Bell 1979: XXIX).²⁵ Вполне вероятно также, что в будущем начнется и квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможно реально достигнуть иных ограничений. Но такое квотирование потребует каких-то компенсаций отстающим странам.

Итак, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, надо сказать, что минимальное совмещение интересов десятков стран лежит во взаимных компромиссах и ограничении суверенитета, передаче некоторых его моментов наднациональным образованиям и мировым органам.

9. Место США и Запада в новом мировом порядке

Таким образом, в процессе установления новых отношений будут ведущие и ведомые. Право быть ведущим приобретается, конечно, явочным порядком, и оно может быть у любой страны,

²⁴ Различные решения вокруг последствий цунами в Южной Азии в конце 2004 г. дают представление о том, как может развиваться этот процесс взаимодействия развитых и развивающихся стран.

²⁵ А международная комиссия по окружающей среде и развитию сформулировала концепцию *устойчивого развития*, которое включает в себя два понятия: *необходимые потребности* и *ограничения* (Евтеев, Перелет 1989: 50).

которая сумеет взять на себя и поддерживать эту роль. В то же время это обоюдоострое право, поскольку накладывает на лидера большие обязательства, требует от него самого внутренней перестройки. При этом столкновения интересов ведущих и ведомых, а также противоборство между ведущими и теми, кто сам хочет быть ведущим в мире или регионе (такими как США с одной стороны и Россия, Китай, Индия, Пакистан и т. д. – с другой), – это очень серьезный источник будущих политических, возможно, и военных коллизий²⁶.

В этой связи необходимо высказать несколько мыслей, связанных с бурными событиями 1999–2004 годов: бомбежками Югославии, взрывами в Нью-Йорке, войнами в Афганистане и Ираке. Это пятилетие можно рассматривать как важный (а в чем-то и поворотный) пункт, от которого становятся виднее необходимость поиска нового мирового порядка и некоторые условия этого порядка. Естественно, что такой поиск не может не быть достаточно долгим и трудным²⁷.

В упорстве, с которым США в последние годы шли от войны к войне, видно, что они не избежали искушения “сделать внутренние американские установки целями внешней политики США” (Киссинджер 2002: 283). Увы, если политическая система начинает давать сбой, ни богатство страны, ни относительный порядок внутри нее не гарантируют от ошибок и неумных лидеров²⁸. Дж. Неру (1977: 90), ссылаясь еще на Геродота, по этому поводу писал: “В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение”. Правда, западные демократии хотя и часто совершали ошибки, однако до сих пор обладали важнейшим свойством – делать из них выводы.

²⁶ О конкуренции версий глобализаций см., например: Неклесса 2004: 119–121.

²⁷ И, к слову сказать, в течение этой эпохи проблема “конца истории”, о которой беспокоился Френсис Фукуяма (Fukujama 1992), будет явно неактуальной.

²⁸ Примеров этому в истории множество. Блестящий елизаветинский век в Англии сменился в XVII столетии длительным политическим, социальным и религиозным кризисом. Гедонизм эпохи Людовика XV завершился революцией. Мощный подъем Германии в конце XIX – начале XX века привел к поражению в войне и краху империи. Нации-победители в первой мировой войне перед второй проявили удивительную слабость, вялость и близорукость.

Говоря о праве США и Запада вмешиваться в чужие дела, надо отметить следующее. С одной стороны, они больше, чем кто бы то ни было, имеют основания указывать на нарушения и воздействовать на нарушителей общепринятых норм, тем более что они не ищут здесь каких-то прямых экономических выгод. К тому же их общественное мнение скорее любого другого схватит за руку зарвавшихся политиков или военных. Но, с другой стороны, военное вмешательство не бесспорно в юридическом плане, поскольку возникает неизбежный вопрос: кто и по каким критериям уполномочен выносить приговор “плохим” режимам и приводить их в исполнение? (Арбатов 2004: 77).

Когда кто-то нарушает нормы международного права (пусть и с лучшими побуждениями), это открывает путь к эскалации нарушений, дает оправдание для них, и тем самым порядок рушится²⁹. Поэтому чем скорее каждый инцидент будет способствовать выработке новых международных норм, тем легче пойдет процесс в целом, тем легче будет приспособиться к нему всем. В целом же очевидно, что коллективные решения – это магистральный путь.

10. Заключение. Новый мировой порядок и новое мышление

Глобализация, хотя и началась далеко не сегодня, – в целом новый, неизведанный, сложнейший и во многом непредсказуемый процесс. Причем он часто совершается во внешне противоречивых формах и направлениях. Мы видели, например, что межгосударственная интеграция сочетается с развалом некоторых стран и усилением сепаратизма в других; что на фоне роста национализма идет существенное сокращение суверенитета.

Самой же главной на долгий период останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов. Только какое-то институциональное решение этой гигантской проблемы, в конце концов, и установит более или менее стабильный новый мировой порядок. Для этого, естественно, необходимо время, в течение

²⁹ В этом плане интересен пленарный доклад американки Ирис Янг (2003) на XXI философском конгрессе, которая доказывала, что даже если бы гегемония США осуществлялась исключительно ради общего блага и в интересах всего мира, такая гегемония была бы и несправедливой, и опасной.

которого должен произойти глубокий переворот в мировоззрении элит и народов, в результате которых национальные проблемы начнут сначала рассматривать обязательно через призму общих, а затем уже и в контексте общих (региональных и мировых).

Пока же идеи о новом порядке у большинства наций совершенно недостаточно увязываются с признанием необходимости разумного уменьшения суверенитета, поиска наиболее эффективных, привлекательных и удачных форм наднациональных организаций и взаимодействия их членов. Поэтому будет лучше, если некоторые процессы растянутся во времени, если интеграция пойдет медленнее, но прочнее и бесконфликтнее. Особой нужды спешить (кроме решения некоторых, например экологических, проблем) нет. Если уж перемены неизбежны, надо понять, какие и как изменения грядут, и попытаться выработать правила игры на международной арене, а также способы контроля над нарушениями. Тогда появятся и адекватные идеологические обоснования глобализации, без которых процесс всегда идет намного тяжелее.

Быстрое развитие производительных сил и науки, обострение глобальных проблем и многое другое все сильнее ставят вопрос о новых сознании и этике. Достаточно ясно это выразил уже Вернадский, писавший, что человек как житель планеты может и должен мыслить и действовать по-новому не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но в планетарном аспекте.

Формирование планетарных морали и мышления, однако, – очень трудный и долгий процесс, даже контуры которого пока не ясны (см. подробнее: Гринин 1998: 43–47). Зато новое мышление и этика надгосударственного регионального уровня обозначились более ясно. В этом плане лидеры – европейцы. Шаг за шагом они формируют новое евросознание, которое не является альтернативой национального сознания, а представляет собой “его дополнение и обогащение новыми ценностями” (Вишневски 2003: 153). Россия также имеет необходимые культурно-исторические и идеологические традиции, чтобы внести важную лепту в новое мировое сознание.

Литература

Аверьянов, Ю. И. (сост.) 1993. *Политология*. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. Коммерч. ун-та.

Арбатов, А. Г. 2004. Иракский кризис в мировой политике. *МЭМО* 9: 77–83.

Бажанов, Е. П. 2004. Неизбежность многополюсного мира. *МЭМО* 2: 11–16.

Бейлс, А. Дж. К. 2004. Уроки Иракского кризиса. *МЭМО* 9: 70–76.

Бжезинский, З. 1999. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.

Болескина, Е. Л. 2000. Потребители игровой компьютерной культуры. *Социс* 9: 80–87.

Борисюк, В. И. 2004. Политические идеи и идеологии постиндустриальной цивилизации. *МЭМО* 7: 3–14.

Ван дер Вее, Г. 1994. *История мировой экономики 1945–1990*. М.: Наука.

Вишневски, Я. 2003. Национальное и европейское гражданство в аспекте расширения Европейского союза. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и ментальность* (с. 143–154). М.: Московский лицей.

Волконский, В. А. 1998. Изменения в мире за столетие и парадигмы экономической науки. В: Осипов, Ю. М. и др. (ред.), *Экономическая теория на пороге XXI века* (с. 214–224). М.: Юрист.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.

Гребенщиков, Э. С. 2004. Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений. *МЭМО* 1: 89–97.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Глава 2. *ФиО* 2: 5–89

1998. Формации и цивилизации. Глава 6, § 9–10. *ФиО* 5: 5–49.

1999а. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *ФиО* 4: 5–44.

1999б. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник МГУ. Политические науки* 1: 17–28.

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Волгоград: Учитель.

Делягин, М. 1998. Общая теория глобализации. *Общество и экономика* 10–11: 87–103.

Джерри, Д., Джерри, Дж. (сост.) 1999. *Большой толковый социологический словарь*: в 2 т. Т. 2. М.: Вече.

Евтеев, С. А., Перелет, Р. А. (ред.) 1989. *Наше общее будущее*. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс.

Зименков, Р. И., Романова, Е. М. 2004. Американские ТНК за рубежом: стратегия, направление, формы. *МЭМО* 8: 45–53.

Злоказова, Н. Е. 2004. Расширение ЕС: за и против с позиций его членов. *МЭМО* 1: 62–69.

Зуев, А. Г., Мясникова, Л. А. 2004. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят. *МЭМО* 8: 54–60.

Иванов, Н. П.

2000. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития. *МЭМО* 3: 12–18.

2004. Человеческий капитал и глобализация. *МЭМО* 9: 19–31.

Каплински, Р. 2003. Распространение положительного влияния глобализации: анализ “цепочек” приращения стоимости. *Вопросы экономики* 10: 4–26.

Капра, Ф. 2004. *Скрытые связи*. М.: ООО Издательский дом “София”.

Кастеллс, М. 2002. *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ.

Кочетов, Э. Г. 2002. *Глобалистика: теория, методология, практика*. М.: НОРМА.

Киссинджер, Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика?* М.: Ладомир.

Кулагин, В. М. 2000. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Рах democratica (Гипотеза “демократического мира” в контексте альтернатив мирового развития). *Полис* 1: 23–37.

Лебедева, Э. Е. 2004. Тропикоафриканская цивилизация в современном мире. *МЭМО* 4: 46–56.

Максимова, М. М. 2004. Проблемы стабильности мировой экономики. *МЭМО* 9: 3–18.

Медведев, В. А. 2004. Глобализация экономики: тенденции и противоречия. *МЭМО* 2: 3–10.

Мирский, Г. И.

2004а. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. *МЭМО* 6: 29–37.

2004б. Американская сверхдержава против исламистского терроризма. *МЭМО* 10: 71–80.

Некlessа, А. 2004. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз. *МЭМО* 1: 116–123.

Неру, Дж. 1977. *Взгляд на всемирную историю*: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс.

Панарин, А. С. 2000. *Глобальное политическое прогнозирование*. М.: Алгоритм.

Соколов, В. 2004. Геоэкономический взгляд на проблемы глобалистики. *МЭМО* 4: 117–126.

Сорос, Дж. 2001. *Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм*. М.: Некоммерческий фонд “Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий”.

Столярова, Т. Ф. 2002. Ценностный фактор антиглобализма. В: Куль-пин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация обществ* (с. 72–78). М.: Московский лицей.

Терентьев, А. А. 2004. Мировоустройство начала XXI века: существует ли альтернатива “американской империи”? *МЭМО* 10: 35–46.

Тураев, В. А. 2001. *Глобальные проблемы современности*. М.: Логос.

Туроу, Л. К. 1999. *Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Уткин, А. И. 2000. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития. *Полис* 1: 38–54.

Филиппова, Т. В. 2000. Социология в Интернете. *Социс* 5: 131–137.

Фомичев, П. Н. 2003. Вебер М. Анализ глобализации: критическая теория и глобальное политическое изменение. *Социальные и гуманитарные науки* 4: 10–15.

Шиллер, Г. 1983. *Манипуляторы сознанием*. М.: Мысль.

Шишков, Ю. В. 2004. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики. *МЭМО* 10: 15–25

Эльянов, А. Я. 2004. Глобализация и догоняющее развитие. *МЭМО* 1: 3–16.

Янг, И. М. 2003. Некоторые соображения о гегемонии и глобальной демократии. *Вестник РФО* 4: 19–29.

Armstrong, J. A. 1982. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Bell, D. 1978. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y.: Basic Books, Inc., Publishers.

Collins, R. 2002. Geopolitics in an Era of Internationalism. *SEH* 1(1): 118–139.

Chase-Dunn, Ch. 2003. Globalization from Below: Toward a Collectively Rational and Democratic Global Commonwealth. *SEH* 2 (1): 195–237.

Fukujama, F. 1992. *The End of History and the Last Man*. – New York etc.: Penguin Books.

Habermas, J. 2003. *Dispute on the Past and Future of International Law. Transition from a National to Postnational Constellation*. Paper presented at the

21st World Congress of Philosophy, Philosophy Facing World Problems. August 10–17, 2003. Istanbul Convention and Exhibition Center, Turkey.

Сокращения названий журналов:

Мировая экономика и международные отношения – МЭМО;

Политические исследования – Полис;

Социологические исследования – Социс;

Философия и общество – ФиО;

Social Evolution & History – SEH.